

37

ц 10 к

20 ФЕВРАЛЯ 1910 г.

ВЪ ПРОВИНЦИИ 12 КОП.

III ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

САТИРИКОНЪ

1910 еженедѣльное изданіе

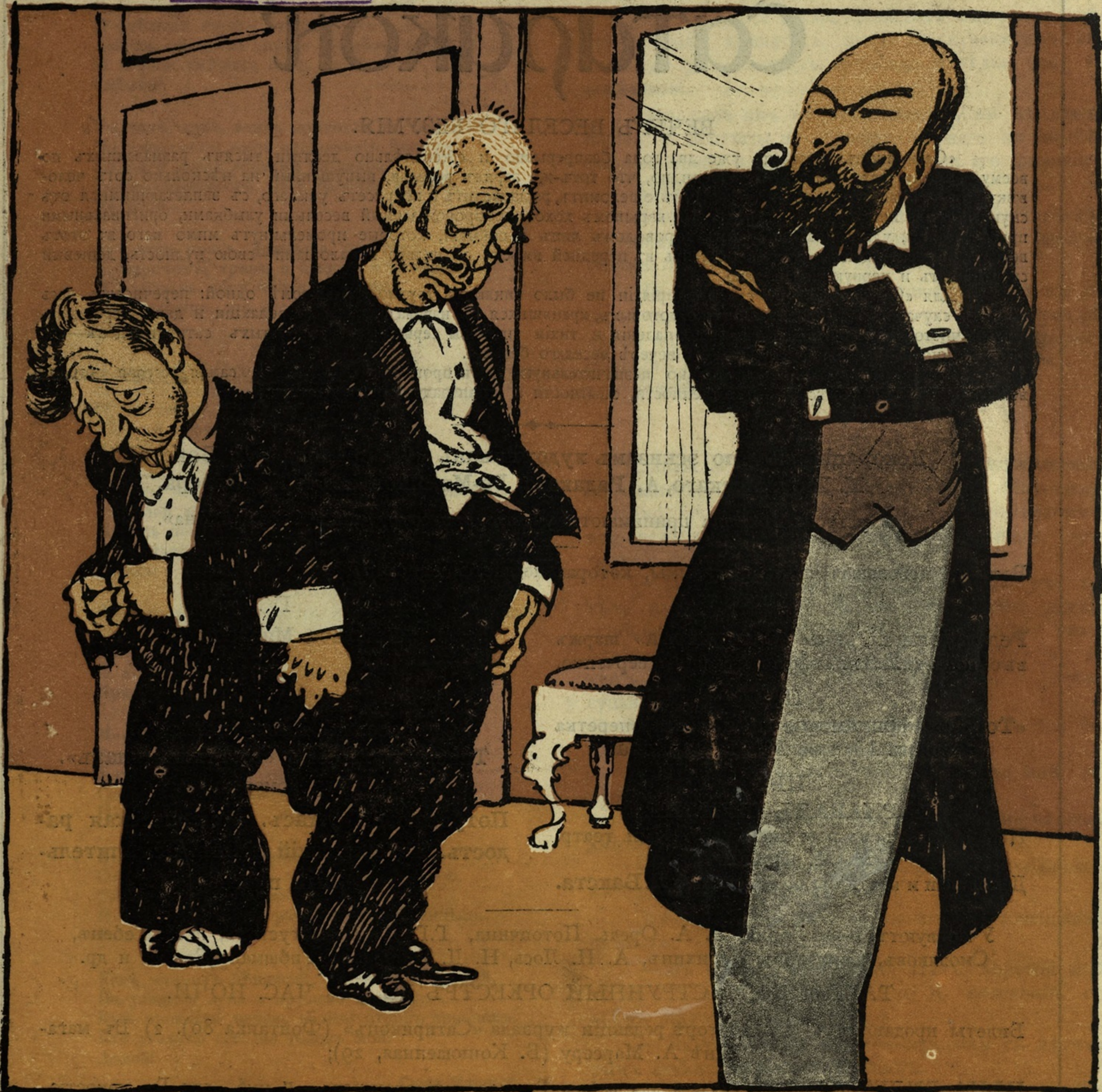
№ 8

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На годъ—6 руб.; на полгода—3 руб.; на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп.
Контора и Редакція журнала „САТИРИКОНЪ“: Спб., Фонтанка. № 80. Телеф. 324-62.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

ЗАКОНОДАТЕЛИ.

Рис. Ре-Ми.

ОТЪ УСЕРДІЯ.

П. А. Столыпинъ.— Нельзя же такъ, господа... Ну, вы услужливы, ну, предупредительны—все это хорошо но въдь нужно же разбираться!.. Что вы такое сдѣлали?! Я, по разсѣянности, нечаянно между законопроектами, всунулъ счетъ отъ прачки, а вы—что сдѣлали? Рассмотрѣли его и утвердили! Нельзя же такъ...

Новосиб. обл.
научная
библиотека

При этомъ номерѣ прилагается всѣмъ подписчикамъ проспектъ объ укрѣпляющемъ средствѣ «ГЕМАТОГЕНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ».

СЕГОДНЯ 20 ФЕВРАЛЯ 1910 ГОДА

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ ПАВЛОВОЙ, ТРОИЦКАЯ 13.
БОЛЬШОЙ КОСТЮМИРОВАННЫЙ БАЛЪ ЖУРНАЛА

САТИРИКОНЪ

ВЕЧЕРЪ ВЕСЕЛАГО БЕЗУМІЯ.

«Сатириконъ» веселитъ уже два года непрерывно и еженедѣльно десятки тысячъ размазанныхъ по всему земному шару читателей... Очевидно, что тотъ-же зарядъ веселья, выпущенный на нѣсколько сотъ чело-вѣкъ—будетъ во сто разъ сильнѣе. Онъ ошеломитъ, расшевелитъ и потрясетъ унылаго, съ заплетающимися отъ скуки ногами, петербуржца. Встрѣченный взрывомъ хохота, сопровождаемый веселыми улыбками, оригинальными привѣтствіями, удивленный пестрымъ хоромъ лицъ и событий, которые промелькнутъ мимо него въ этотъ вечеръ—петербуржецъ долженъ оставить въ передней вмѣстѣ съ пальто и калошами—свою нудность, дешевый скептицизмъ и черную меланхолю.

Для «Сатирикона» въ его предпріятіи не было никакихъ трудностей—кромѣ одной: перечислить весь каскадъ случайныхъ импровизаций (уже готовыхъ, хранящихся съ начала февраля въ редакціи и даже переписанныхъ начисто), всѣ шутки, веселыя совпаденія и тихія проказы серьезныхъ бородатыхъ сатириконцевъ—все что нарочно или нечаянно случится на вечерѣ веселаго безумія.

Ниже мы опубликовали только незначительную часть программы. Остальная, самая веселая сторона вечера остается на совѣсти, отвѣтственности, опытности и жизнерадостности «Сатирикона».

Декорации зала по эскизамъ художниковъ «Сатирикона»: Л. Бакста,
М. Добужинскаго, А. Радакова, Ре-Ми, Яковлева и А. Юнгера.

Въ устройствѣ Бала принимаютъ участіе всѣ сотрудники «Сатирикона».

Вотъ та небольшая часть программы, которая поддается описанію:

I.
Редакціонный день «Сатирикона» шаржъ
въ одномъ дѣйствиіи Теффи и Аркадія Аверченко.

II.
«Топси» африканское дитя, новая оперетка
Теффи. Музыка М. М. Чернова.

III.
КАРНАВАЛЪ ШУМАНА
Новый балетъ въ постановкѣ арт. Имп. театр.
М. М. Фокина.
Декорации и костюмы по рисункамъ Л. Бакста.

IV.
Встрѣча Масленицы.

V.
Веселый Дивертисментъ.
Таверна ужасовъ «Вытекшій глазъ».
(15 номеровъ)

Потрясающій ужасъ. Гомерическая ра-
дость. Истерическій смѣхъ. Ослѣпитель-
ный шумъ.

Участвуютъ: Г-жа Лерма, Э. А. Орель, Потопчина, Г.Г. Ф. Д. Августовъ, Л.И. Гебень,
Смоляковъ, Сарматовъ, Курихинъ, А. П. Лось, Н. Д. Топорковъ Гибшманъ, Бецкій и др.

ТАНЦЫ ПОДЪ СТРУННЫЙ ОРКЕСТРЪ ДО 3-хъ ЧАС. НОЧИ.

Билеты продаются 1) Въ конторѣ редакціи журнала «Сатириконъ» (Фонтанка 80). 2) Въ мага-
зинѣ А. Марсеру (Б. Конюшенная, 29);

ЦѢНА БИЛЕТОВЪ: дамскихъ и для всѣхъ Гг. костюмированныхъ—5 руб., для Гг. некостю-
мированныхъ кавалеровъ—10 руб.

ЧИСЛО БИЛЕТОВЪ ОГРАНИЧЕНО.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

А. И. Куприну.

Изъ за забора выльзла луна
И нагло съла на крутую крышу.
Съ надеждой, вѣрой и любовью слышу,
Какъ запирають ставни у окна.
Луна!

О, томный шорохъ темныхъ тополей,
И свѣлыхъ грушь наивно-дѣтскій запахъ.
Любовь сжимаетъ сердце въ цѣпкихъ лапахъ,
И яблони смѣются вдоль аллей.
Смѣхъ!

Ты тамъ, какъ мышь притихла въ тишинѣ?
Но взвизгнетъ дверь пустыннаго балкона,
Бѣлѣ и шума волнами балахона,
Ты проскользнешь, какъ бабочка ко мнѣ.
Въ огнѣ...

Да—дверь постъ. Дождался, наконецъ.
А, впрочемъ, хрипъ и кашель и сморканье
И толстыхъ ногъ чужія очертанья,
Все говоритъ, что это твой отецъ.
Конецъ...

О, носорогъ! Онъ смотритъ на луну,
Скребеть бока, животъ и поясицу
И, придавивъ, до плача половицу,
Звѣтой нарушаетъ тишину.
Ну-ну...

Потомъ, въ туфляхъ спустился въ сонный садъ.
Въ аллеѣ яблоки опавшія собираетъ,
Ихъ съ чавканьемъ и хрустомъ пожираетъ
И въ тьму вперяетъ близорукій взглядъ.
Назадъ!

Къ стволу съ отчаяньемъ и гнѣвомъ я привикъ.
Застылъ. Молчу. А въ сердцѣ каштаньеты...
Ты спишь, любимая? Конечно, нѣтъ отвѣта,
И не уходитъ медленный старикъ—
Привыкъ!

Мечтаетъ... Гадъ! Садится на скамью...
Вокругъ заборъ, а на заборѣ пики.
Ужель застряну и въ безсильномъ крикѣ
Свою любовь и злобу изолью?
Плюю.

Луна струитъ серебряную пыль.
Свѣтло. Прости... Въ тоскѣ пе-ре-лѣ-за-ю,
Твои глаза заочно ло-бы-за-ю
И... съ тррескомъ рву штанину о костыль.
Рахиль!

Какъ мамонтъ бѣшеный, влачился я, хромой.
На улицахъ луна и кружево каштановъ...
Будь проклята любовь вблизи отцовъ тирановъ!
Кто утолитъ сегодня голодъ мой?
Домой!

Сама Черный.

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Быль въ Государственной Думѣ депутатъ...

Лицо онъ имѣлъ самое незначительное, даже
немного туповатое, держался всегда скромно, быль
молчаливъ, рѣчей не произносилъ ни разу, а во время
перерывовъ бродилъ, одинокій по кулуарамъ и все
усмѣхался про себя, шевеля пальцами, будто о чемъ то
втихомолку разсуждая...

Внѣ Думы все время проводилъ въ своихъ ме-
блированныхъ комнатахъ, шагая со скучающимъ ви-
домъ изъ угла въ уголъ, и только изрѣдка чему то
усмѣхаясь.

Такъ какъ онъ не принадлежалъ ни къ какой
партіи, то депутаты не обращали на него ни малѣй-
шаго вниманія и многіе даже не знали его фамилии...

А фамилія у него была: Занзивѣвъ.

И нельзя было узнать—кто такой Занзивѣвъ?
За какія заслуги быль онъ выбранъ своими избира-
телями? Кому нужно было это пустое мѣсто?

По ночамъ Занзивѣвъ иногда просыпался на
своей узкой постели, всплескивалъ руками, поджималъ
худыя колѣни къ подбородку и, свернувшись, такимъ
образомъ въ комокъ, хохоталъ долго и весело.

Занзивѣвъ быль страшный человекъ.

Однажды какой то добрый мягкосердечный
журналистъ, давно уже слѣдившій за одинокимъ,
скромно бродившимъ по кулуарамъ Занзивѣвымъ,
подошелъ къ нему и снисходительно сказалъ, про-
тягивая руку:

— Позвольте познакомиться... Я давно уже хо-
тѣлъ васъ спросить... Зачѣмъ вы ходите всегда
особнякомъ? Что заставляетъ васъ ходите, вдали
отъ партій, никогда не выступать на трибунѣ, не за-
явить, вообще, какимъ нибудь образомъ, о своемъ
существованіи?

Занзивѣвъ пожалъ плечами и сказалъ еще бо-
лѣе снисходительно, чѣмъ журналистъ:

— Ахъ вы, выюноша... Да зачѣмъ же мнѣ это
нужно?

Такъ какъ Занзивѣвъ сдѣлалъ удареніе на словѣ
«мнѣ», то журналистъ возразилъ:

— Другіе же дѣлаютъ это!.. Люди, находящіеся
въ одномъ положеніи съ вами...

Занзивѣвъ охнулъ и закатился тоненькимъ
смѣхомъ.

— Въ одномъ положеніи? Нѣтъ, дорогой мой,
не въ одномъ положеніи... Хе-хе! Я, миленькій, со-
всѣмъ другое!..

— Да что же вы такое?—спросилъ съ нѣкото-
рымъ любопытствомъ журналистъ.

— Я то? Я, миленькій, большая персона. За меня
голой рукой не берись. Депутатовъ то можетъ четыре-
ста штукъ одинаковыхъ, а я особенный...

— Что-жъ вы, — усмѣхнулся журналистъ, — въ
министры думаете попасть?

Занзивѣвъ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Видите ли, дорогой вьюноша... Министровъ то нѣсколько штукъ, а я одинъ. Губернаторовъ разныхъ, тайныхъ тамъ совѣтниковъ — много, а я одинъ.

Онъ задумался.

— Я не говорю, конечно, министр — большая власть, а все же я больше...

— Именно, вы? Вы — одинъ?!!

— Я, миленькій. Я. Захочу я, чтобъ были броненосцы — будутъ. Захочу чтобы неприкосновенность личности была — будетъ! Я то не честолюбивъ... А захоти я — ѣздилъ бы въ золотой каретѣ на какихъ нибудь рѣдчайшихъ розовыхъ лошадяхъ, и народъ отдавалъ бы мнѣ королевскія почести. Потому я — единственный, все во мнѣ и все отъ меня!

Занзивѣвъ оживился. Глаза его сверкали, руки бѣшено махали въ воздухъ, и торжествующій голосъ звучалъ, какъ труба.

— Я скромный! — кричалъ онъ, произительно смѣясь. — Меня никто не знаетъ... А кто провалилъ тѣ законопроекты, которые мнѣ не нравились, кто можетъ подарить Россіи миръ и преуспѣяніе или, — если у меня скверное настроеніе, — новую бурю, новый взрывъ народнаго возмущенія? Кто можетъ облагодѣтельствовать народъ? Занзивѣвъ! Конечно, Занзивѣвъ не рекламистъ, онъ не говоритъ съ трибуны глупостей, Занзивѣвъ скромный. А вы, вьюноша, ха-ха! думали снизойти до меня, обласкать, пожалѣть меня... Ха-ха! Нѣ-ѣтъ миленькій... Занзивѣвъ то самый, можетъ, сильный, самый страшный человѣкъ и есть!

— Чертъ возьми! — разсердился журналистъ. — если у васъ не манія величія — расскажите, въ чемъ дѣло.

Занзивѣвъ взялъ его за руку, отвелъ въ уголь, оглядѣлся и произительнымъ шепотомъ сказалъ:

— Кто я? Вы знаете, что у насъ большинстванѣтъ? Вы знаете, что всѣ послѣднія голосованія по важнѣйшимъ вопросамъ въ Думѣ рѣшаются большинствомъ одного голоса...

— Ну, да знаю.

Занзивѣвъ наклонился къ самому лицу журналиста и, дрожа отъ внутренняго восторга, прошипѣлъ:

— Такъ вотъ этотъ одинъ голосъ — именно я! Захочу — будутъ у насъ броненосцы, захочу — не будутъ... Какъ, смотря по настроенію.

— Черртъ возьми! — только и могъ сказать потрясенный журналистъ.

*

Снова Занзивѣвъ ходилъ по кулуарамъ изъ угла въ уголь, одинокій, шевелящій пальцами и усмѣхающійся.

Тихо и скромно ходилъ, держась у стѣнки, страшный человѣкъ.

Журналистъ, спрятавшись за колонной, слѣдилъ за нимъ. Потомъ подошелъ, взглянулъ робко и почтительно на Занзивѣва и прошепталъ:

— Пропустите законы о печати.

— Вы мнѣ нравитесь, — подумавъ, сказалъ Занзивѣвъ. — У васъ носъ симпатичный. Хорошо, пропущу!

Медуза — Горгона.

Рис. А. Югера.

УТѢШЕНІЕ.

Мать. — Неужто жъ, такъ и не будетъ ему вакансія?

Педагогъ. — Пока нѣтъ. Да вы обождите до экзаменовъ... Можетъ, на ваше счастье кто нибудь повѣсится или отравится — вакансія вашему милому мальчику и очистится...

ПРАВДОПОДОБНО.

— Что?! Опять ты упал?
— Нѣтъ... Это я... подсиѣжнички... ишу...

ВЪКЪ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Извозчикъ.—Ага!?. Возили, возили мы вашего брата—теперь и вы насъ повозите!!

СКАЗКА ОБЪ ОВСЬ.

На крутомъ берегу, на зеленомъ лугу—
(Я не лгу...)—
Межъ фіалокъ и розъ,
Въ царствѣ солнечныхъ грезъ—
Росъ овесъ.

Широка, какъ Ока, отражала рѣка
Облака...
И, отдавшись красѣ,
Забывали вы всѣ
Объ овсѣ.

«Какъ въ полночной тиши подѣ луной хороши
Камыши!
Лунной сказкой полна,
Серебрится луна...
Тишина!..

Дивенъ мѣръ красоты. Но... наполнишь имъ ты
Животы?..
Сѣшь похлебку изъ розъ—
Въ результатѣ поносъ!
Что-съ?

Василій Князевъ.

Рис. А. Я.

ИСЧАДИЕ ГОРОДА.

I.

Среди пугающаго неожиданнаго завыванія автомобильныхъ гудковъ, бѣшеныхъ звонковъ трамваевъ, немолчнаго топота лошадиныхъ копытъ, мельканія электрическихъ лампочекъ и головокружительнаго верченія кинематографическихъ лентъ, среди несущейся по громаднымъ улицамъ обезумѣвшей отъ желанія жить толпы, среди театровъ съ пряными, развратными, испорченными, какъ старый сыръ въ угоду гурману, — пьесами, среди всего этого бродятъ растерянные люди съ потухшими тусклыми взорами, и никто не подозрѣваетъ — какія странныя, неслыханныя болѣзни носятъ они въ себѣ...

Учитель гимназій Сверкаловъ надѣвалъ передъ зеркаломъ воротничекъ и что-то мурлыкалъ тоненькимъ голоскомъ.

Жена посмотрѣла на него и дружески усмѣхнулась.
— Что? Предвкушаешь рядъ веселыхъ минутъ и вечеръ пріятнаго отдохновенія? Смотри—не опоздай!

Про себя она подумала:

— Пусть скорѣе уходитъ. Я тогда сейчасъ же засяду за вышиваніе туфель ко дню его именинъ... Надо, чтобы онъ ничего не подозрѣвалъ о туфляхъ.

Въ это же самое время Сверкаловъ почувствовалъ въ груди страшную тяжесть, въ ногахъ дрожанье, а сердце похолодѣло, какъ кусокъ льда.

— Что это значитъ? Что это?—прошмыгнула быстрая мысль въ головѣ.—Почему она сказала:—«смотри не опоздай»... Что это значитъ? «рядъ веселыхъ минутъ и вечеръ пріятнаго отдохновенія»?.. Что она имѣла въ виду?

Сверкаловъ задумался, потупивъ омраченное лицо.

— Не думаетъ ли она, что я ѣду къ Ликишинымъ ради самой госпожи Ликишиной?.. Не думаетъ ли она, что между нами что то есть? Какой вздоръ! Если оно такъ—необходимо разсѣять это нелѣпное подозрѣніе...

— Скажи откровенно,—спросилъ съ наружнымъ хладнокровіемъ Сверкаловъ.—Какъ ты находишь madame Ликишину?

Взглядъ его сверлилъ жену.

— Какъ? Да ничего. Она милая,—равнодушно отвѣчала жена.—Еще можетъ нравиться.

— Что это такое?—похолодѣлъ Сверкаловъ.—Что значитъ этотъ намекъ?

Жена въ это время думала о туфляхъ и вздрогнула, когда мужъ схватилъ ее за руку.

— Знай же, что я эту Ликишину ненавижу! Она мнѣ противна!

Жена удивленно взглянула на него.

— Почему? Что она такое сдѣлала?

Къ Ликишиной Сверкаловъ былъ совершенно равнодушенъ и вопросъ жены засталъ его врасплохъ.

— Подозрѣваешь,—заledonѣло сердце.—Такъ и есть—подозрѣваешь... Ты спрашиваешь—почему?

И чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, бѣдный учитель гимназій махнулъ на все остальное рукой:

— Потому что у нея есть любовникъ.

Жена пожала плечами и усмѣхнулась.

— Да тебѣ то что... Вѣдь не влюбленъ же ты въ нее?..

— Почему ты это спросила,—быстро-быстро заговорилъ Сверкаловъ, хватая жену за руку.—Что это значитъ? Неужели, ты подозрѣваешь?.. А? А? говори...

— Богъ съ тобой,—удивилась жена.—Я только не понимаю, съ чего ты такъ волнуешься... Я вѣдь знаю, что ты любишь меня...

— Что это? — внутренне дрожалъ Сверкаловъ. — Искренность или иронія?.. Что она думаетъ? О, я бы много далъ, чтобы узнать, что она думаетъ?..

Тутъ же онъ рѣшилъ окончательно разсѣять подозрѣнія жены.

— Ты знаешь, между прочимъ, что Ликишина имѣетъ цѣлую челюсть вставную... Бррр!.. И волосы красить.

Думая о туфляхъ, жена машинально спросила:

— Да? Откуда ты знаешь такія подробности?

Въ груди Сверкалова что то оборвалось. Похолодѣло.

— Конечъ! У нея самыя опредѣленныя подозрѣнія. Не попадая рукой въ рукавъ пиджака, Сверкаловъ подозрительно и злобно закричалъ:

— Что ты пристаешь ко мнѣ съ Ликишиной? Что это значитъ?

— Господи! Да кто жъ къ тебѣ пристаеетъ? Ты самъ же началъ о ней разговоръ. Чего ты волнуешься? Не буду же я ревновать тебя къ Ликишиной...

— Конечъ!—охнулъ внутренне Сверкаловъ.

Схватился за голову и выбѣжалъ изъ дому...

II.

Сѣвши въ трамвай, Сверкаловъ первымъ долгомъ вынулъ двугривенный и сталъ держать его на виду, весь замирая отъ опасенія, что въ немъ могутъ заподозрить пассажира, желающаго прокатиться безъ билета.

Кондукторъ раза два промелькнулъ мимо него, отбирая деньги у другихъ, а Сверкаловъ тянулся за нимъ, безпокойно повторяя:

— Получите же съ меня... Почему вы не берете съ меня?!

Наконецъ, кондукторъ протянулъ руку къ Сверкалову. Взялъ его двугривенный, повертѣлъ въ рукахъ и, равнодушно возвращая, сказалъ:

— Пожалуйста, перемѣните. Это оловянный.

— Конечъ,—оборвалось внутри у Сверкалова.—Онъ, навѣрное, думаетъ, что я нарочно хотѣлъ подсунуть ему фальшивый... Чортъ знаетъ что! Еще, пожалуй, подумаетъ, что я самъ и сдѣлалъ его... Какая гадость.

Сверкаловъ ненатурально засмѣялся, взялъ обратно деньги, вынулъ другія и сказалъ:

— Это мнѣ подсунули гдѣ-нибудь. Вотъ, получите.

И, посмотрѣвъ на застывшее лицо кондуктора, заискивающе спросилъ:

— Что, много у васъ работы?

Сейчасъ же показалось, что вопросъ, послѣ случая съ двугривеннымъ, совершенно нелѣпъ и неумѣстенъ. Нужно было загладить его.

Сверкаловъ снова вынулъ изъ кармана оловянный двугривенный, осмотрѣлъ его и сказалъ:

— Ей Богу, какъ настоящій! Ха-ха! А вы, небось, думаете—вотъ, молъ, баринъ хотѣлъ всучить подѣ шумокъ фальшивый двугривенный... А? Говорите, чертъ васъ возьми... думали?..

Во рту накупала горечь.

— Зачѣмъ я это говорю? Глупо, бессмысленно. Вѣдь я, дѣйствительно, тянулся за кондукторомъ такъ настойчиво, будто въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сплавить двугривенный... Боже! какъ тяжело!.. Какъ гадко...

Такъ какъ Сверкаловъ былъ увѣренъ, что его сосѣди подозрѣваютъ въ немъ фальшивомонетчика, то—посмотрѣлъ на полнаго блондина въ очкахъ и сказалъ:

— Вотъ я—имѣю въ гимназій службу, зарабатываю тысячи двѣ, человекъ болѣе или менѣе обезпеченный...

А каково бѣдному, если ему попадется фальшивый двугривенный... Неправда-ли? Мнѣ то ничего... Служба, доверие начальства... Им...

Полному господину нужно было сходить на остановку. Онъ недоумѣнно посмотрѣлъ на Сверкалова, всталъ и вышелъ.

— Конечъ!—по своей привычкѣ охнулъ Сверкаловъ.

Не дожидаясь слѣдующей остановки, онъ выскочилъ изъ трамвая и остальную часть пути, съ тяжелымъ сердцемъ, прошелъ пѣшкомъ.

III.

Горничная попросила Сверкалова въ кабинетъ Ликушина.

— Баринъ говоритъ по телефону... сейчасъ придетъ.

Сверкаловъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по кабинету, подошелъ къ столу и сталъ разсматривать разныя бездѣлушки... Взялъ машинально какое то кожанное потертое портмонэ и сталъ разсѣянно вертѣть его въ рукахъ.

Сзади раздался неожиданный голосъ:

— А! Вы здѣсь!..

— Сверкаловъ вздрогнулъ и выронилъ портмонэ.

— Не безпокойтесь,—сказалъ Ликушинъ, быстро нагибаясь.—Я подниму.

— Конечъ!—Подумалъ Сверкаловъ.—Что онъ подумаетъ? Что онъ можетъ подумать? Засталъ меня одного въ кабинетѣ, съ чужимъ портмонэ въ рукахъ... Господи, какъ это противно... Какъ гнусно!..

— Портмонэ разсматривалъ,—болѣзненно улыбаясь, сказалъ онъ.—Очень замысловатая штука.

— Что вы,—небрежно возразилъ хозяинъ.—Самая примитивная штука: нажать сверху пружину—оно и раскроется!

— Да?—задрожалъ внутренно Сверкаловъ.—Не думаетъ ли ты, что и я нажималъ пружину и лазилъ внутрь?.. Этого только еще не доставало...

— А мнѣ его не удалось открыть,—заявилъ онъ угрюмо.

Хозяинъ отложилъ портмонэ въ сторону и взялъ гостя за руки.

— Да? Ну, какъ поживаете, мой дорогой? Что подѣлывали послѣднее время?

— Кошечки чужіе открывалъ,—болѣзненно усмѣхнулся про себя Сверкаловъ. А вслухъ сказалъ:

— Ничего. Скажите, гдѣ вы купили это портмонэ?..

Я бы очень хотѣлъ приобрести себѣ такое. Я его поэтому и разсматривалъ!

— Господи! Да въ самомъ паршивомъ магазинѣ можно его купить... Что это вы такъ заинтересовались этимъ портмонэ?

Сверкаловъ, блѣдный, съ прыгающими губами, нагнулся къ хозяину.

— Почему заинтересовался? Не думаете ли вы, что я хотѣлъ ознакомиться съ его содержимымъ? А? Вы ужъ говорите прямо?

— Какъ онъ глупо шутитъ,—поморщился внутренно Ликушинъ.—Ха-ха, милѣйшій! Немного же заработали бы вы!.. Тамъ какая то мелочь... Жена ваша здорова?

— Здорова, отвѣчалъ отрывисто Сверкаловъ.—Съ вами случилось когда нибудь: взять въ руки какую нибудь вещь—совершенно машинально... Начинаешь ее вертѣть въ рукахъ и только потомъ съ удивленіемъ спохватиться: Э! Какъ эта вещь попала тебѣ въ руки?!.. Случалось?

— Не помню,—удивился Ликушинъ.—А что?

— Да такъ спрашиваю. Кстати, знаете, я скоро получаю отъ тетки наслѣдство. Такъ что въ деньгахъ совершенно не нуждаюсь...

Въ кабинетъ вошла хозяйка дома и поздоровалась со Сверкаловымъ.

— Хе-хе!—сказалъ Сверкаловъ.—Почему же вы, Дмитрій Павлычъ, не расскажете супругѣ о только что происшедшемъ забавномъ инцидентѣ... Представьте, прихожу я,—Дмитрія Павлыча нѣтъ... Беру совершенно машинально это портмонэ, вдругъ входитъ онъ. Я, отъ неожиданности, роняю портмонэ, и мнѣ сдѣлалось смѣшно: вдругъ Дмитрій Павлычъ подумаетъ, что я хотѣлъ вытащить содержимое кошечка и былъ застигнутъ на мѣстѣ преступления.

Ликушинъ внимательно взглянулъ на Сверкалова.

— Да почему вы придаете такое значеніе этому пустяку?—медленно спросилъ онъ.

— Подумалъ!—оборвалось сердце.—Раньше не думалъ и не придавалъ значенія, а теперь послѣ моихъ безтактныхъ разговоровъ и объясненій, что то подозреваетъ. Теперь—конечъ!..

Сверкаловъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ и закричалъ:

— У меня есть деньги... Вотъ триста рублей! Я въ чужихъ не нуждаюсь... Не думайте!..

Упалъ въ кресло и закатился долгой томительно-жуткой истерикой.

Ликушины забѣгали, схватили воду, терли виски, охали и недоумѣвали.

IV.

За окномъ былъ веселый, ликующій праздникъ: торжественно гудѣли автомобили, сверкало электричество и тревожно-радостно звонили трамваи, праздная грубую побѣду надъ человѣкомъ...

Аркадій Аверченко.

ВЕЛЬМОЖА.

(Съ рукописи XVIII вѣка.)

Бросивъ грубыя печали
И завивши букли косъ,
Мы вельможнаго встрѣчали
Нѣжнымъ стономъ пасторали—
«Хаю, Фави и вѣрный Россѣ».

Сталъ онъ править... политессы...
Хоть долги растутъ кругомъ—
Дѣла нѣтъ, а есть... промессы,
Безконечныя метрессы
И влюбленный жантильомъ!

Уѣзжалъ онъ. Провожали
Мы торжественно его
Нѣжнымъ стономъ пасторали,
А пейзане обнищали....
Неизвѣстно отчего.

Вл. Ладыженскій.

Рис. А. Я.

САМОУЧИТЕЛЬ МАСКАРАДНЫХЪ БЕСѢДЪ.

(къ сезону).

Урокъ 1.

- Маска, я тебя знаю!
- И я тебя знаю!
- Нѣтъ, я знаю, что ты меня не знаешь!
- И я знаю, что ты не знаешь что ты меня знаешь!

Урокъ 2.

- Маска тебѣ весело?
- Какъ тебѣ сказать?
- Скажи, какъ—на самомъ дѣлѣ.
- Смертельно скучно!
- Почему тебѣ скучно?
- Потому, что не весело!

Урокъ 3.

- Маска, сними маску.
- Не сниму!
- Почему?
- Мнѣ жаль тебя!
- Ого!
- Если я сниму ее, ты будешь...
- Ослѣпленъ красотой?..
- ...Разочарованъ!
- Ты—уродлива?
- Хуже!
- Стара и уродлива?
- Хуже!
- Твое лицо въ язвахъ?!
- Хуже!.. Я—твоя жена!!
- Ха-ха! Шутница!..

Урокъ 4.

- Ты цвѣтешь, какъ роза!
- Это комплиментъ.
- Нѣтъ, не комплиментъ, а фактъ.
- Да, да... вы комплиментчикъ.
- Нѣтъ, я никогда не говорю комплиментовъ.
- Знаю я васъ, мужичинъ!..

И. Г.—чѣ.

РОДНОЙ ПЕЙЗАЖЪ.

Умираетъ снѣгъ лиловый.
Видишь—сумерки пришли:
Надъ уныломъ сномъ земли
Сизыхъ тучъ хаосъ суровый
Надвигается вдали.

На продрогшія осины
Вѣтеръ сѣверный летитъ,
Хмуро сучья шевелитъ.
Тѣни холодны и длинны.
Сердце стынеть и болитъ.

О, печальный трепеть лѣса,
Переполненного тьмой!
Воздухъ, скованный зимой...
Съ четырехъ сторонъ завѣса
Покорности и вѣмой...

На полянѣ занесенной
Пятенъ темные ряды—
Чьи-то бѣдные слѣды,
Заметаешь вѣтеръ сонный
И свиститъ на всѣ лады.

Кто искалъ въ лѣсу дорогу?
И нашель-ли? Лѣсъ шумитъ.
Снѣгъ тѣнями перевитъ.
Сердце жалуется Богу...
Богъ не слышитъ. Ночь молчитъ.

ВЪ МАГАЗИНЪ ИСКУССТВЕННЫХЪ ЖЕМЧУГОВЪ.

Рис. А. Радакова.

ШАТКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ.

Покупательница:—Сколько же стоит у васъ эта жемчужная брошка?

Приказчикъ:—300 рублей.

Покупательница:—Помилуйте! Но вѣдь такая брошка съ настоящими жемчугами стоитъ всего 200...

Приказчикъ:—Да, но вы забываете работу, талантливость поддѣлки... Колоссальный трудъ затрачивается!

Покупательница:—Но вѣдь тогда мнѣ гораздо проще купить настоящую, которая стоитъ дешевле?!

Приказчикъ (растерянно)—Чертъ возьми! Въ самомъ дѣлѣ...

ДВѢ ЛЕГЕНДЫ.

Въ одномъ католическомъ монастырѣ въ драгоценномъ ларцѣ хранился волосъ съ головы святой Терезіи.

Когда въ монастырь приходили паломники на поклоненіе святой реликвіи,—монахъ, охранявшій ларецъ, вынималъ изъ него волосъ и показывалъ паломникамъ.

Однажды, въ монастырь забрелъ туристъ православнаго исповѣданія. Когда монахъ открылъ ларецъ, погрузилъ въ него руки и затѣмъ вынулъ ихъ обратно, держа одну на нѣкоторомъ разстояніи отъ другой, туристъ воскликнулъ:

— Я ничего не вижу между твоими руками!

Монахъ горько усмѣхнулся и сказалъ:

— Я показываю уже тридцать лѣтъ и тоже ничего не вижу!

Въ русскомъ парламентѣ хранилась конституція. Когда въ парламентъ приходили паломники, Хомяковъ...

Ну, да читатель «Сатирикона» вѣдь умный человѣкъ!

Исидоръ Гуревичъ.

ГАСТРОНОМЪ.

Въ ресторанѣ.

— Человѣкъ! Порцію этаго самого... вотъ тутъ, въ карточкѣ... Бефъ-Строгановъ! Только смотрите, чтобы строгановъ былъ свѣжій!

ПОСЛОВИЦЫ
И ПОГОВОРКИ СЪ ПОЯСНЕНИЯМИ.

1.

Мужъ, да жена—одна сатана.
(Жена хвостомъ вертитъ, а мужъ рога носить)

2.

Семь разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь.
(Семь. Если же примѣшься мѣрить еще и восьмой разъ, то немедленно получишь по шеѣ.)

3.

Хоть день, да мой!
(Поговорку эту нужно примѣнять при общеніи съ человѣкомъ нечистоплотнымъ: хоть день, да мой руки.)

4.

Что поѣдешь, то и пожнешь.
(Этимъ доказывается пустота и безсмысленность хлѣбопашескаго занятія.)

5.

Мужикъ сѣрь, да разумъ у него не волкъ сѣлъ.
(Не волкъ? А кто же? Здѣсь политическая тенденція.)

6.

Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше.
(Рыбѣ счастья не нужно. Она постная.)

7.

Не говори «гопъ» не перепрыгнуй.
(И перепрыгнуй тоже не говори. А то что это такое?.. подумаютъ, что ты спятилъ.)

8.

У бабъ волосъ дологъ, а умъ коротокъ.
(Здѣсь порицается непропорціальность женскаго строенія. Мужчины же въ этомъ отношеніи симметричны.)

9.

По одежкѣ протягивай ножки.
(Это говорится въ поощреніе разумному рокетству.)

10.

Не подмажешь, не поѣдешь.
(Не подмажешь бровь, не поѣдешь къ Контану ужинать.)

Тэффи.

Рис. А. Ютера.

НЕТЕРПѢНІЕ.

— Боже ты мой.. Скоро ли уже будетъ мартъ?!

КАЖДЫЙ.

I.

Дядюшка Филиппъ Ивановичъ, прогрессивный паралитикъ, съ желтымъ лицомъ и чужими, точно взятыми на прокатъ, глазами сидѣлъ за столомъ, завтракалъ, бѣшено сердился, и, спотыкаясь на каждой буквѣ, кричалъ на помогавшаго ему фельдшера Александра:

— От-тойди. Не м-мѣшай. Грубо обращаешься. Замолчи!

Сидящій тутъ же племянникъ Филиппа Ивановича и его единственный наслѣдникъ Офросимовъ, красавецъ мѣжчина, извѣстный всему Петербургу своей холеной квадратной бородой, старался не смотрѣть на больного и, по обыкновенію, думалъ:

«Хорошо бы насыпать тебѣ въ кашу толченого стекла, чтобы ты сдохъ. Какую бы еще штуку можно было устроить? Открыть форточку на ночь?.. Напустить въ комнату угара?.. Уколоть булавкой дохлую крысу, а потомъ потихоньку подрапывать тебя?.. У-у, скотина!»

— Ник-колай... т-твое з-здоровье! — говорилъ между тѣмъ дядюшка, улыбаясь трясущимися губами и расплескивая на себя воду съ краснымъ виномъ, — с-слышишь?.. Пью з-за твое здоровье, — кричалъ онъ, болѣзненно перемѣшивая ласку съ животнымъ бѣшеннымъ гнѣвомъ. — Я т-тебѣ говорю, а ты не слушаешь. Когда я б-былъ въ Кисловодскѣ, ж-жара ужасная... Понимаешь? Всѣ ходили на Царскую площадку варенцы въ фартукахъ. В-великолѣпно.

«А еще лучше, — продолжалъ думать племянникъ, улыбаясь и привѣтливо поднимая бокалъ, — когда тебя ведетъ подъ-руку Александръ, быстро пройти мимо, поскользнуться и сбить тебя съ ногъ, чтобы ты треснулся объ печку головой».

Все это были привычныя, почти уравновѣшенныя мысли, и если бы можно было выжать изъ нихъ то, что на языкѣ криминалистовъ называется наличностью злой воли и составляетъ душу преступления, получила бы порція, достаточная для нѣсколькихъ десятковъ убійствъ. Не хватало только маленькаго, чисто формальнаго признака: именно, чтобы взять и опустился какъ-нибудь самъ собой уже давно занесенный надъ годовою ненавистнаго дядюшки топоръ. Если бы это случилось помимо рукъ племянника Николая Владиміровича, рукъ въ безукоризненныхъ манжетахъ, съ чудесными запонками, а также помимо его должности начальника отдѣленія и чина коллежскаго совѣтника, то Николай Владиміровичъ, конечно, первый былъ бы этому радъ. Если бы даже для убійства дядюшки достаточно было потихоньку нажать какую-нибудь тайную кнопку, Николай Владиміровичъ сдѣлалъ бы это не задумываясь, и, какъ ему казалось, забылъ бы объ этомъ черезъ пять минутъ. Но заниматься явными убійствами было какъ-то не принято въ томъ изящномъ кругу, гдѣ онъ вращался, да и, вообще, — кровь, скамья подсудимыхъ, разные мѣщане и лавочники въ составѣ присяжныхъ засѣдателей — перспектива не изъ пріятныхъ.

— От-тойди, н-не хочу, н-не успѣю, — кричалъ животнымъ голосомъ паралитикъ, отталкивая фельдшера, который велъ его въ корридоръ, — грубо обращаешься, негодяй!

И этотъ крикъ, это постоянное сосѣдство озлобленнаго болѣзнью, неопрятнаго человѣка по совѣсти казалось Офросимову слишкомъ тяжелой жертвой за тѣ полтора ста тысячъ, которыя достанутся ему Богъ знаетъ когда.

«Хоть бы ты поскорѣ околѣлъ», — искренно, просто-душно и даже какъ будто безъ всякаго злого умысла подумалъ онъ.

II.

Позавтракавъ, Офросимовъ отправился на службу. Чтобы избѣжать у себя пріемовъ, совершенно немислимыхъ до смерти все того же дядюшки Филиппа Ивановича, онъ жилъ въ хорошей дачной мѣстности на разстояніи полчаса ѣзды отъ Петербурга. До станціи онъ съ удовольствіемъ прошелся пѣшкомъ, и величавая тишина парка, едва нарушаемая хрустѣніемъ снѣга подъ ногами, поселила полный миръ въ его душѣ.

Потомъ Офросимовъ сидѣлъ въ любимомъ уголкѣ вагона и внимательно, столбецъ за столбцомъ, просматривалъ «Новое Время». Онъ зналъ по опыту, что если пробѣжать газету кое-какъ, то оставшіяся четверть часа въ дорогѣ будутъ тянуться безконечно долго. Кромѣ того, въ самомъ процессѣ сосредоточеннаго держанія газеты передъ глазами скрывалась нѣкоторая заманчивая вещь: съ одной стороны веселый и совершенно безопасный спортъ, а съ другой — самая несомнѣнная выгода. Дѣло въ томъ, что рѣдко мѣнявшійся контроль, просмотрѣвъ билеты у сосѣ-

дей Офросимова и скользнувъ взоромъ по его золотому пенснэ и его знаменитой квадратной бородѣ, почти никогда не простригалъ его карточки на 50 поѣздокъ. Между тѣмъ, безъ газеты, да еще безъ такой, какъ «Новое Время», это было бы не такъ легко.

И сегодня, въ ожиданіи контроля, Офросимовъ, хотя и старался сосредоточить мысли на статьѣ по финляндскому вопросу, но въ то же время невольно думалъ:

«Прострижется или не прострижется? Если будетъ тотъ рыженькій съ угрями, или высокій, чахоточный, то не прострижется, а если горный студентъ, то, пожалуй, прострижется. Лучше всего, если бы прошелъ одинъ старичокъ оберъ-кондукторъ, — тотъ уже навѣрное бы не простригъ».

Стукнула дверь, и появились — сначала «рыженькій» контролеръ, а за нимъ веселый, симпатичный старичокъ оберъ-кондукторъ. Офросимовъ плотнѣе закрылся газетой, и у него радостно екнуло сердце.

— Ваши билеты, — слышался монотонный вѣжливый голосъ, попережку съ шелканьемъ шипцовъ, — попрошу ваши билеты. У васъ сезонный? Годовой? Благодарю. Съ васъ доплата за второй классъ. Въ третьемъ не было мѣста? Въ такомъ случаѣ, простите, доплаты не надс.

«Въ сущности, всѣ желѣзныя дороги грабировки, — успокоительно думалъ Офросимовъ, — и если не хватаетъ легальныхъ способовъ борьбы съ аппетитомъ г.г. акціонеровъ, подрядчиковъ, инженеровъ и прочихъ разбойниковъ, въ карманъ къ которымъ попадетъ въ концѣ концовъ мой полтинникъ, то самое лучшее, что я могу сдѣлать, — это оставить полтинникъ въ своемъ собственномъ карманѣ».

И глаза Офросимова уже совсѣмъ спокойно перешли со статьи по финляндскому вопросу на статью объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности, и абсолютно твердо остановились на маленькой, но весьма выразительной табличкѣ цифръ.

А рыженькій контролеръ, проходя мимо него къ дверямъ, сдѣлалъ рукою подъ козырекъ и, не дожидаясь отвѣта, спросилъ:

— Виноватъ, у васъ, кажется, годовой?

III.

Барышня съ небольшимъ портфельчикомъ и шикарной котиковой муфтой, свернула на Гороховую улицу и чуть-чуть ускорила шагъ. Погода была чудесная, служба у Офросимова была такая, что опоздать на нее было невозможно даже при желаніи, и поэтому, отъ самаго вокзала, заинтригованный портфельчикомъ и муфтой, и тоненькими ножками въ лиловыхъ фетровыхъ калошахъ, а главное изумительно нѣжными щечками и вычурно красивымъ рисункомъ рта, онъ не нанялъ извозчика и пошелъ пѣшкомъ.

Такъ какъ маленькія, благородныя розовыя ушки, повидимому, были неприиспособлены къ выслушиванію первой попавшейся уличной чепухи, то Офросимовъ, идя почти рядомъ съ незнакомкой старался выдумать какую-нибудь оригинальную вступительную фразу. А пока не придумывалась фраза, онъ, чтобы не терять времени даромъ, мысленно цѣловалъ и эту худенькую спину, и остренькія колѣни, и съ привычной рельефностью воображалъ массу излюбленныхъ его воображеніемъ вещей. То ему казалось, что лѣтомъ на дачѣ они по уговору забираются далеко въ лѣсъ, расходятся въ разныя стороны и, быстро сбросивъ одежды, возвращаются навстрѣчу другъ другу, прекрасные, нагіе. Какое блаженство видѣть издали, шагъ за шагомъ, приближеніе этого необыкновенно стройнаго существа... То онъ купается вмѣстѣ съ барышней на крымскомъ побережьѣ, вдали отъ постороннихъ взоровъ, въ теплой, ласковой водѣ. То, безъ особыхъ заоблачныхъ фантазій, увозитъ ее въ знакомый, страшно уютный pied-à-terre, съ мраморной уборной и благоухающими цвѣтами, и тамъ предается доброй, старой, освѣщенной вѣками, прозаической любви.

— Это прямо невыносимо, — сказала барышня, внезапно останавливаясь и разбивая его мечты, — будьте добры дать мнѣ дорогу и не преслѣдовать меня по пятамъ.

Очаровательно раскрышіяся губки замкнулись съ такой презрительностью, а въ глазахъ блеснулъ такой непритворный холодокъ, что Офросимовъ невольно пропустилъ ее впередъ и отсталъ на нѣсколько саженъ.

«Кусается, — безъ особаго смущенія подумалъ онъ, — ну, и чортъ съ ней!»

Барышня шла прежней размѣренно-упругой походкой, и впереди Офросимова слышалось шуршаніе и постукиваніе ея, подбитыхъ кожей, калошъ. Было немного обидно ея равнодушіе къ его великолѣпному пальто и роскошной извѣстной всему Петербургу бородѣ, и онъ старался себя утѣшить.

Въ общемъ, она, вѣроятно, притворяется, и если потратить побольше времени, высмотрѣть, гдѣ она живетъ, гдѣ гуляетъ, когда возвращается домой, дать по двугривенному нѣсколькимъ дворникамъ и швейцарамъ, словомъ пустить въ ходъ весь накопившійся годами опытъ, можно придти съ ней, какъ и со всякой другой, къ тому или другому концу.

«Всѣ онѣ—стервы,—думалъ Офросимовъ,—и весь вопросъ во времени и умѣньѣ напасть на слабую струнку!»

Въ результатѣ Офросимову было все равно, притворяется барышня или нѣтъ. Это нѣсколько не мѣшало ему мысленно, не спрашивая ее о согласіи, раздѣвать ее и цѣловать самыя любимыя, потаенныя мѣста. Даже больше, ея столь видимое несогласіе придавало этимъ поцѣлуймъ особую, разжигающую прелесть. Пусть попробуетъ запретить ему идти спокойно на прилично-коротенькой дистанціи и воображать все, что только душѣ угодно. Чорта съ два!

Прошли Гороховую, свернули на Морскую, потомъ на Невскій. И къ тому моменту, какъ хорошенькая незнакомка, все также не глядя на Офросимова, вошла въ подъѣздъ, въ мечтахъ Офросимова было исчерпано все: и необитаемый островъ, на который они попадаютъ вдвоемъ, и такой же необитаемый, но уже болѣе комфортабельный замокъ, и даже нѣкое совсѣмъ фантастическое зрѣлище:

Отъ столкновения съ кометой изъ всего населенія Петербурга какимъ-то чудомъ уцѣлѣло всего двое—Офросимовъ и незнакомка. Майская солнечная весна, распустились деревья, волшебная красноватая окраска неба, и онъ, Офросимовъ, бѣгущій за непокорной ему особой вотъ по этому же Невскому, Гороховой и Морской и настигающій ее гдѣ-нибудь у подъѣзда на тротуарѣ. Такъ-таки прямо на тротуарѣ.

«Ахъ, какая проза человѣческая жизнь,—думалъ Офросимовъ,—какъ глупы люди, оправдывающіе и совершающіе насилие только во снѣ!»

IV.

Придя на службу въ самомъ веселомъ расположеніи духа, Офросимовъ былъ экстренно вызванъ къ директору департамента. Отношенія съ высшимъ начальствомъ уже давно у него установились самыя лучезарныя, и имъ не грозила никакая опасность. Медленно прошелъ онъ по блестящему паркету корридора къ рисунчатымъ стекляннмъ дверямъ. Какіе-нибудь дѣловые пустяки, а вѣрнѣе всего, какая-нибудь новоиспеченная великосвѣтская сплетня или съ ногъ сшибательный дипломатическій анекдотъ.

Онъ смѣло полукоткрылъ дверь и, почтительно-фамиллярно улыбаясь, просунулъ въ нее свой расчесанный бородатый квадратъ.

— А, Николай Владимировичъ,—раздался отъ стола привѣтливый голосъ,—входите, входите.. Ну, здравствуйте, хотите сигару?.. А вы все цвѣтете. И какъ это у васъ все счастливо совмѣщается—и свѣтскій человекъ, и баловень женщинъ и образцовый чиновникъ. Долженъ опять похвалить васъ. Прочелъ сегодня утромъ вашъ превосходный докладъ и думаю прямо направить его къ министру. Слогъ, я вамъ скажу,—одно великолѣпіе.

— Собственно говоря...—началъ Офросимовъ, но начальство замахало на него руками.

— Нечего, нечего скромничать. Вы всегда склонны умалять свои заслуги, чего не скажу о вашихъ подчиненныхъ. Игнатовичъ опять, говорятъ, пьетъ. Подтяните его, голубчикъ! Или этотъ, какъ его, социалистъ. Ходитъ развѣ въ недѣлю и все время проводитъ въ буфетѣ. Ужъ я знаю, знаю. Хоть онъ и причисленный, но вѣдь при такомъ отношеніи къ дѣлу можно никогда не дослужиться до помощника столоначальника. И вообще, что это за манера: длинные волосы, какая-то нелѣпая тужурка?.. Скажите ему, что теперь слава Богу ужъ не тѣ времена, и даже самъ Максимъ Горькій сталъ коротко стричься и носить европейскій костюмъ.

Офросимовъ былъ не злой человекъ, и ему хотѣлось деликатно заступиться и за пьяницу Игнатовича, и за социалиста-причисленнаго. Хотѣлось объяснить, что оба они семейные люди, что получая 63 рубля или 37 руб. 50 к. въ мѣсяцъ, трудно выгадать что-нибудь на лишнюю стрижку. Но начальство опять замахало руками и произнесло:

— Знаю, знаю. Не заступайтесь. Это, конечно, дѣлаетъ честь вашему сердцу... Впрочемъ вы сами такой прекрасный чиновникъ, что изъ уваженія къ вамъ, я готовъ простить вашему отдѣленію какую-угодно крамолу.

Офросимову показалось, что моментъ для заступничества совершенно упущенъ, и потому онъ не успѣлъ сообщить даже самаго главнаго,—что только что расхваленный начальствомъ докладъ написанъ не имъ, Офросимовымъ, а какъ разъ этими самыми пьяницей Игнатовичемъ и со-

циалистомъ-причисленнымъ, потратившими на одно добросовѣстное изученіе материала цѣлый годъ.

Затѣмъ Офросимовымъ была рассказана наизабавнѣйшая исторія о посѣщеніи австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Эренталемъ, итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ Титтони.

V.

Со службы, до трамвая, идущаго на вокзалъ, Офросимовъ уже, по обыкновенію, отправился пѣшкомъ. Настроеніе у него было разнѣженное, мягкое, какъ будто онъ побывалъ не у себя въ служебномъ кабинетѣ и не въ кабинетѣ его превосходительства, а на какомъ-нибудь файфъ-о-клокѣ. И, по обыкновенію, Офросимовъ сталъ думать на свою любимую тему о томъ, что, когда умретъ дядушка Филиппъ Ивановичъ, и онъ получитъ наслѣдство, то прежде всего онъ обзаведется хорошенькой содержаночкой изъ балета.

Идя по Невскому, уже залитому электрическими огнями, онъ останавливался только около ювелирныхъ магазиновъ и подолгу разсматривалъ въ витринахъ серги и ожерелья, мысленно воображая ихъ на соответствующихъ имъ и современемъ совершенно доступныхъ для него мѣстахъ. Какая несправедливость, что желтый паралитикъ съ чужими, взятыми на прокатъ глазами, еще, быть можетъ, не скоро посторонится съ его пути.

За невидимымъ зеркальнымъ стекломъ горѣли бриллианты, рубины и изумруды, маслянистымъ блескомъ сіяли полированные золотые портсигары, и это невидимое стекло казалось слишкомъ непрочной, а потому особенно коварной преградой. Если бы эти чудесныя серги и то очаровательное жемчужное ожерелье какъ-нибудь, презирая законы непроницаемости тѣлъ и собственной неподвижности, могли проплыть отдѣляющіе ихъ отъ Офросимова полтора аршина и уютно помѣститься въ его боковомъ карманѣ, или если-бы какой-нибудь разсѣянный воръ положилъ ихъ къ нему въ карманъ, то что это могъ бы быть за праздникъ! Онъ не поѣхалъ бы къ ненавистному паралитику на дачу, и на тѣ нѣсколько сотенъ, которыя у него всегда на всякій случай при себѣ, плюсъ эти серги и ожерелье,—почемъ знать,—устроилъ бы уже сегодня волшебный вечерокъ.

И, отходя отъ витрины, онъ съ грустью представилъ себѣ классически стройную лебединую шею съ блестящими по бокамъ сергами и мраморную грудь, медленно отдающую звою теплоту сладостно приникшимъ къ ней жемчугамъ.

VI.

Поднявъ пушистый пахнушій духами воротникъ, откинувшись въ уголь вагона, Офросимовъ ѣхалъ домой и уже началъ дремать подъ стукъ колесъ и скучный монотонный разговоръ. Двое молодыхъ кандидатовъ на судебныя должности въ форменныхъ пальто и фуражкахъ говорили объ убійствахъ съ корыстными цѣлями, о мошенничествахъ, изнасилованіяхъ, подлогахъ, кражахъ со взломомъ и о томъ, что квалификаціи современнаго уголовного права устарѣли, отдають страшнымъ формализмомъ и совершенно не соответствуютъ усложнившейся человѣческой психикѣ. Напримѣръ, карается какая-нибудь копѣчная кража, и въ то же время самое явное, самое систематическое напряженіе преступной воли, не поддающееся формальному учету, остается безнаказаннымъ и все глубже и глубже разстѣваетъ жизнь.

Говорилось все это ужасно длинно и съ совершенно непонятнымъ для Офросимова увлеченіемъ. Впрочемъ половины разговора онъ почти не слышалъ. Дремалось.

Анатолій Каменскій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „САТИРИКОНА“.

Присланныя въ редакцію рукописи не возвращаются (даже при условіи присылки марки на отвѣтъ).

А. Петербургъ.

33. А. Петербургъ.—Нежити изъ стр. Ойле, Петру—ню, Гному, А—тол, номеру 9, г-ну Р., Фонтанка, Л. Р. Безструнной лирѣ, Степану Бродягѣ, Пашенко, Гр. Неревъ, Икѣ, И. Горленко,—Литейный, 2 к.,—Шпонькѣ, Ф. М. Т., Пудожская—А. Р., Я. Р. Къ сожалѣнію, все присланное не подошло.

Б. Провинція.

34. Въ пространство.—Кому-то, Елисаветградъ—Арнольдъ, Г., Въ простр.—Фелору Андрееву, Владикавказъ—Алад—кину, Москва—Lady, Вест—Роландъ, Нѣкому въ сѣромъ, Харьковъ—Володѣ Чепушкевичу, Тамбовъ—Оводу, Одесса—В. С., Тверь—И. Со—ва, Слободской, 3—ву 3.

Не подошло.

Н. Д.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА НА 1910 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
САТИРЫ И ЮМОРА

САТИРИКОНЪ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Всѣ годовые подписчики получаютъ, въ видѣ бесплатнаго приложенія, роскошно иллюстрированное изданіе:

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“

обработанная „Сатирикономъ“, подѣ угломъ его зрѣнія, — подѣ ред. А. Т. Аверченко.

«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ» будетъ представлять собой большой томъ, художественно отпечатанный на хорошей бумагѣ, съ массой иллюстрацій лучшихъ русскихъ художниковъ-карикатуристовъ.

Хотя наша «Всеобщая исторія» и не будетъ рекомендована Ученымъ Комитетомъ, состоящъ при м-вѣ народн. просвѣщ., — какъ руководство для учебныхъ заведеній, но эта книга дастъ подписчикамъ единственный случай взглянуть на историческое прошлое народовъ — въ совершенно новомъ и вполнѣ оригинальномъ освѣщеніи.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** руб., на полгода **3** руб., на 3 мѣс. **1** руб. **50** коп.

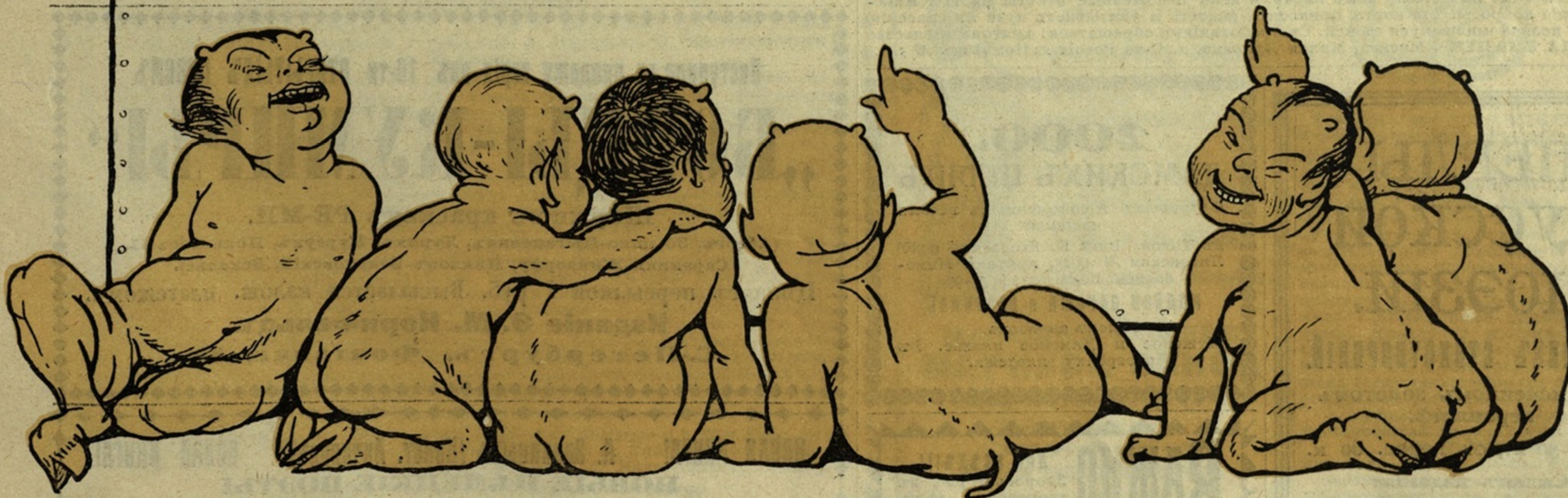
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала «САТИРИКОНЪ» (С.-Петербургъ, Фонтанка, 80) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и въ провинціи.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп. Въ Москвѣ и провинціи 12.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ № 324-62.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корифельдъ.

А. Юнгертъ

ДЪТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА АЛЬПИНА

Синяя марка и подпись главн. предств. С.П.Б. Гороховая 33

ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕК. МАГАЗ.
Лозанна Швейцария
Alpine Milk

для **СЛАБЫХЪ, МАЛОКРОВНЫХЪ, НЕРВНЫХЪ,**

Гематогенъ
Д-ра ГОММЕЛЯ
выдающееся укрѣпляющее средство.

Предостереженіе! Требуите настоятельно имя Д-ра ГОММЕЛЯ.

"КАИРЪ"
20ш. 6к.
"КАИРЪ"
15ш. 6к.
"КАИРЪ"
25ш. 10к.

Всѣхъ оныхъ качествомъ прельщаетъ,
Упаковкой щеголяетъ!!!
Двѣзъ чужны въ немъ, безъ обмана,
Есть для каждого нармана!!
Дядя Михай.
папиросы
фрэд. А. Н. Шапошникова. Спб.

Дамы
употребившія хоть одинъ разъ
ПАТЬ НИППОНЪ
увѣряютъ, что лучшаго средства для достиженія красоты и молодости
НЕ СУЩЕСТВУЕТЪ.
пудра, мыло и кристаллы НИППОНЪ
за короткое время тоже завоевали общую
СИМПАТІЮ ДАМЪ.
Продается во всѣхъ аптекахъ и парфюм. магаз. и у
Т-ва "НИППОНЪ", Невскій пр., д. № 110.—8.
Брошюра знаменитой японки Юначивара Масакадо
"Отчего я такъ красива и молода",
высылается **БЕЗПЛАТНО.**

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ (ТРИППЕРА)
новѣйшее средство — "SALO-
ПИЧИЛИНЪ"
дѣйствуетъ быстро и радикально
и, по отзывамъ врачей, считается
рациональнымъ средствомъ. На-
ставленіе при коробкѣ. Настоящие
только въ метал. коробкахъ по
1 руб. и по 1 р. 80 к.
Однаково хорошо дѣйствуетъ
въ острыхъ и хроническихъ
случаяхъ и въ короткое время
устраняетъ самыя упорныя ис-
теченія.
для пользы больныхъ.
Въ виду подѣлокъ исключитель-
ная продажа въ С.-Петербурѣ,
Разъѣзжая ул. № 7, аптека Б. Кон-
гейма.
Высылается налож. платеж. Пе-
ресылка по почтовому тарифу.

Что?
Еще не получили?
Что же я
буду дѣлать.
Я остался безъ
папиросъ.
Что?
Вы говорите
взять другія?
Но я НЕ МОГУ
КУРИТЬ никакихъ
гильзъ КРОМЪ
гильзъ
КАТЯКА!

ДАЧНОЕ
ПРИГЛАШЕНІЕ

Платформа "ДАЧНОЕ"
по Балтійск. ж. д. въ 9 ми. вѣзды
отъ Петербурга.
Продажа участковъ земли, по-
стройка домовъ на льготныхъ
условіяхъ.
Прекрасная мѣстность, близость
центра города, улицы мощеныя,
керосино-калильное освѣщеніе,
водопроводъ съ Невской водой,
магазины, баня, купальни, мо-
лочная ферма — полное благо-
устройство.
ПОЛЬЗУЙТЕСЬ
пока до открытія Электриче-
скаго трамвая цѣны на землю
низкія.
Справки: въ Гл. Конторѣ—Горо-
ховая 48, тел. 29-30; и въ самомъ
Дачномъ—Екатерининскій про-
спектъ № 8, тел. 281-70.

УЧАСТКИ ЗЕМЛИ

ПИШУЩАЯ МАШИНА

"КОНТИНЕНТАЛЬ"
лучшая по конструкціи и прочности.
1. Видимый во время письма шрифтъ.
2. Большое количество знаковъ въ
томъ числѣ готовые дробн. 1/4, 1/2, 3/4
и V.
3. Обратное передвиженіе каретки
на одну букву.
4. Двухдѣльная лента.
5. Десятичный табуляторъ и много
другихъ важныхъ преимуществъ.
Главный представитель:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ.
ЛИРЪ и РОССБАУМЪ,
Спб., Гороховая, 48. Тел. 221-54.

МУЖЧИНАМЪ

Страдающимъ онанизмомъ, послѣдствіями венерическихъ болѣзней, удрученнымъ,
потерявшимъ надежду, недовольнымъ собой и своей судьбой, высылается бесплатно
подробный редакціонный проспектъ новой книги профессора Гамонда, главнаго врача
арм. Соед. Шт., професс. по нервнымъ болѣзнямъ: **"ПОЛОВОЕ БЕЗСИЛІЕ и ЕГО
ЛѢЧЕНІЕ"**. Вы найдете въ немъ научн. и ясно изложенныя отвѣты на всѣ живо-
требующіе вопросы. Эта книга приноситъ радость и указываетъ путь къ спасенію
каждому познакомившемуся съ ней. Съ требованіями обращаться: книгоиздательство
"СИЛА ЗНАНІЯ", Москва, Малая Лубянка, д. О-ва Россія 22 Подъѣздъ № 5.

МАСКАРАДНЫЕ костюмы оригинальные
и домино на прокатъ.
Офицерская 13.

Единственное въ мірѣ
НАСТОЯЩЕЕ
ПРОЗРАЧНОЕ
ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
СПБ. П. А. МИЛЛЕРЪ. Спб.

**ПЕРЛЫ
РУССКОЙ
ПОЭЗИИ.**
СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.
Въ тисненномъ золотомъ
переплетѣ.
Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.
Складъ изданія:
Спб., Фонтанка, 80.
Высылается наложеннымъ
платежомъ.

2000.
ДАМСКИХЪ ШЛЯПЪ
Фетровыхъ и соломенныхъ весьма
изящныя
въ Тогов. Домѣ К. Ягельской и К^о
Лиговская № 43/45, противъ Нико-
лаевск. Вокз. телеф. 39-99.
МОДЕЛИ ПАРИЖА и ВЕРЛИНА!
Пріемъ заказовъ.
Мужское и Дамское платье. Въ
разсрочку платежа!

ВАЖНО для всѣхъ!!!
Здоровый умъ въ
здоровомъ тѣлѣ.
Послѣднее дости-
гается хорошимъ, здоровымъ
питаніемъ; такой столъ можно
всегда имѣть только въ ко-
фейнѣ Мейндорфа. Загород. 70. прот.
Тех. Ин. Доступно для интеллигенціи

Поступила въ продажу серія изъ 10-ти ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ
"БОРЦЫ-КУМИРЫ"
Шаржи въ краскахъ РЕ-МИ.
(Абергъ, Збышко-Цыганевичъ, Лурихъ, Мурзукъ, Поль-Абсъ II,
Саракии-Жиндорфу, Циклопъ-Бельковский, Эскалье).
Цѣна съ персылкой 1 руб. Высылается налож. платежомъ.
Изданіе Э. М. Корнфельдъ
С.-Петербургъ, Фонтанка, 80.

НОВАЯ КНИГА! А. Зарицынъ (Конст. Антиповъ) НОВАЯ КНИГА!
НОВЫЕ НѢМЕЦКІЕ ПОЭТЫ
(Демель, Лиліенкронъ, Гофмансталь, Бирбаумъ, Салосъ, Фальке, Ницше, Шау-
каль, Гольцамеръ, Ведекиндъ, Зоосманъ, Дрансфельдъ, Гольцъ, Марія Мад-
ленъ, Даутендей, Моргентеръ, Марія Яничекъ и др.) СБОРНИКЪ СТИХОВЪ
(переводы сдѣланы разными подлинниковъ). Украш. худож. А. Юнгера,
Миссъ и др.
Продается у Вольфа, въ "Новомъ Времени", у Югансона и др.

На дняхъ выходитъ новая книга

САША ЧЕРНЫЙ

„САТИРЫ“.

Издание М. Г. Корнфельда.—Цѣна 1 рубль.

Выписывающіе изъ Конторы журнала «Сатириконъ»,
Спб., Фонтанка, № 80,—за пересылку не платятъ.

Оставшіеся на складѣ въ небольшомъ количествѣ полные сброшюрованные комплекты

ЖУРНАЛА

САТИРИКОНЪ

за 1908 и 1909 г.

высылаются наложеннымъ платежомъ по получении задатка (можно почт. марк.) не менѣе 1 р.

ЦѢНА КОМПЛЕКТА

за 1908 — 3 руб., въ коленкоромъ переплетѣ — 4 руб.
за 1909 — 4 руб., въ коленкоромъ переплетѣ — 5 руб.

Адресъ склада: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА
Скрипичная техника и ея развитіе въ школахъ проф.

Л. С. АУЭРА.

Составилъ Іосифъ Богданъ Лесманъ.

Изъ предисловія проф. Л. С. АУЭРА.

Ознакомившись въ рукописи съ «Скрипичной техникой» Л. С. Лесмана, мнѣ было очень пріятно встрѣтить въ ней въ систематическомъ изложеніи мысли и совѣты, которые мнѣ такъ часто приходилось высказывать на моихъ урокахъ въ Консерваторіи. Эта работа, заключающая въ сжатомъ видѣ результаты основательнаго изученія предмета, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, серьезнаго вниманія. Надѣюсь, что эта книжка найдетъ дружескій приемъ среди всѣхъ, интересующихся изученіемъ игры на скрипкѣ, такъ какъ она можетъ во многихъ случаяхъ послужить поддержкой и руководствомъ какъ для преподавателей, такъ и для учащихся.

Главный складъ въ Музыкальномъ магазинѣ І. ЮРГЕНСОНЪ. С.-Петербургъ, Морская, 9. Отдѣльные экземпляры можно получить во всѣхъ музыкальных и книжныхъ магазинахъ, а также у скрипичнаго мастера Э. Гейсера (Спб., Столярный пер., 5). Выписывающимъ непосредственно отъ автора (Спб., Кабинетская, 20), книга будетъ послана франко. Цѣна Р. 1. 20 коп. (можно высылать почтовыми марками).

ОСТАВШЕЕСЯ НА СКЛАДѢ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРЫ

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО АЛЬБОМА

СОВРЕМЕННЫЙ ВСЕПЕТЕРБУРГЪ

подъ редакціей А. Т. Аверченко

продаются въ Главной Конторѣ журнала Сатириконъ
С.-Петербургъ, Фонтанка, 80.

высылаются наложеннымъ платежомъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬБОМА:

Рисунки—шаржи художниковъ — Реми, В. Н. Ненского, А. А. Радакова, А. А. Юнгера, А. К. Яковлева; Н. А. Рѣзцовъ, гр. А. А. Бобринскій, А. Н. Опенгеймъ, Глазуновъ, С. М. Пропперъ, А. С. Суворинъ, М. О. Меньшиковъ, Н. С. Худяковъ, и др. Дир. Импер. Театровъ—Теляковский, артисты и артистки Спб. Театровъ, Леонидъ Андреевъ, Купринъ, Максимъ Горькій Федоръ Сологубъ, Алексѣй Ремизовъ, Сергій Городецкій, М. А. Кузьминъ, Александръ Блокъ и др. На стрѣлкѣ. Толкучка. Троицкій мостъ. За Нарвской заставой. Трамвай, Невскій проспектъ. Въ клубѣ. Въ «Акваріумѣ». Cafe de Paris и др.

Текстъ А. Т. Аверченко: Петербургъ какъ таковой. Петербургская маленькая дума. Петербургская пресса. Шакалы шестой державы. Петербургскіе журналисты. Столичные театры: Наши писатели. Петербургъ лѣтомъ. Литературный ресторанъ. Невскій проспектъ. Лѣтній садъ. Петербургскій азартъ. Веселый Петербургъ. Борьба. Cafe de Paris. Заключение.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
„САТИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ“

В. КНЯЗЕВЪ.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна—30 коп. Выписывающіе изъ склада, за пересылку не платятъ—(стоимость можно высылать марками).

Складъ изданія: С.-Петербургъ, 4 Рождественская, 24 кв. 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
на ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ
„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ“
XX ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи: К. Вейдемюллера, Ник. Горданскаго, Вл. Краинфельда, М. Куприной, А. Куприна, М. Невѣдомскаго и Е. Тарле.

Въ 1910 году будутъ напечатаны: «Микробы»—Леонида Андреева; «Святые»—М. Арцыбашева; «Въ улицѣ Розье»—Д. Айзмана; «Рѣчная отмель»—С. Гусева-Оренбургскаго; «Любовь»—М. Криницаго; «Визу»—В. Муйжеля; «Ното шш»—Н. Осиповича; «На словъ»—М. Первухина; «Движенія» (Взглядъ)—С. Сергѣева-Ценскаго; «Какъ осенній листъ...»—В. Свросшевскаго; «Плѣнь страстей челоѣческихъ»—Евг. Чирикова; «Дерибасовская»—С. Юшкевича; «Бумага»—А. Федорова; «Наслѣдственность и вырожденіе»—В. Агафонова; «Борьба Англии и Германіи»—Н. Азбелева; «Субъективный матеріализмъ»—Ортодоксъ; «Дворянская буржуазія въ Россіи»—П. Берлина; «Русскій государственный банкъ»—М. Вернацкаго; «Буджетъ, парламентъ и демократія»—М. Боголюбова; «Шопенъ»—В. Вальтера; «Человѣкъ проклятый!» (О Достоевскомъ); «Да здравствуетъ весь міръ!» (О Л. Толстомъ); «Аполлонъ и Діонисъ»—В. Вересаева; «Очерки теоріи историческаго познанія»—Р. Виппера; «Самоубійства настоящаго времени»—Д. Жбанкова; «Д. Н. Маминъ»—Вл. Краинфельда; «Психика и жизнь»—І. Лукашевича; «К. Бальмонтъ»—В. Львова-Рогачевскаго; «Небесные туманы»—Н. Морозова; «Романтики стіля»—М. Невѣдомскаго; «Теоретики французскаго синдикализма»; «Изъ исторіи русской общественной мысли»—Г. Плеханова; «Была-ли екатерининская Россія экономически отсталой страной?»—Е. Тарле; «Застой нашей промышленности»;—М. Туганъ-Барановскаго; «Городъ во французскомъ искусствѣ XIX в.»—Я. Тугендхольда и мн. др.

Съ 1910 г. подписная плата повышается на 1 рубль

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ дост. и пер.): годъ—9 р.; полгода—4 р. 50 к. 4 мѣс.—3 р.; за границу—12 р. годъ; 6 р.—полгода; безъ доставки въ Спб.—8 р. годъ; 4 р. полгода. На иные сроки подписка не принимается. Спб., Надеждинская, 41, кв. 3.

Подробный проспектъ высылается бесплатно.

КОРСЕТЫ

ОБЫКНОВЕННЫЕ,
ГИГИЕНИЧЕСКІЕ

ФРАНЦУЗСКІЕ ВЯЗАНЫЕ

**БЮСТГАЛТЕРЫ,
НАБРЮШНИКИ И
ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ПРИ-
НАДЛЕЖНОСТИ ДАМ-
СКОЙ ГИГИЕНЫ.**

МОДЕЛИ ИЗЪ ПАРИЖА.

Разные фасоны и конструкціи.

**МАГАЗИНЪ ФАБРИКИ
МАРКУСА ЗАКСА**

Спб., Литейный, 45/8,

Противъ Бассейной.

Телефонъ 238-40.

Брошюры высылаются бесплатно.

Оригиналъ
всегда
выше копій.

Американ-
ская пишу-
щая маши-
на образцо-
вая

„УНДЕРВУДЪ“ ВПЕРЕДИ ВСѢХЪ
Всемирная побѣда пишущей машины «оригинальной Ундервудъ», первой и образцовой машины съ видимымъ шрифтомъ вызвала множество подражаній въ Америкѣ и Европѣ. Этимъ вся конкуренція сама признала преимущества «Ундервудъ», что является лучшимъ доказательствомъ образцовой конструкціи этой машины, основанной на ея патентованномъ механизмѣ. Въ теченіе 10 лѣтъ продано свыше 300.000 машинъ «Ундервудъ». Ежедневное производство 300 машинъ. Множество высшихъ наградъ.—Побѣды на состязаніяхъ въ быстротѣ письма. Въ С.-Петербургскихъ главнѣйшихъ Правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ работаютъ много тысячъ пишущихъ машинъ «Ундервудъ». Единственный представитель для всей Россіи Г. ГЕРЛЯХЪ.
Варшава, Чистая, 4.—С.-Петербургъ, Караванная п.—Москва, Б. Лубянка 14. Представители во всѣхъ главныхъ городахъ Европ. и Азиатской Россіи.

2/29/48
3-55

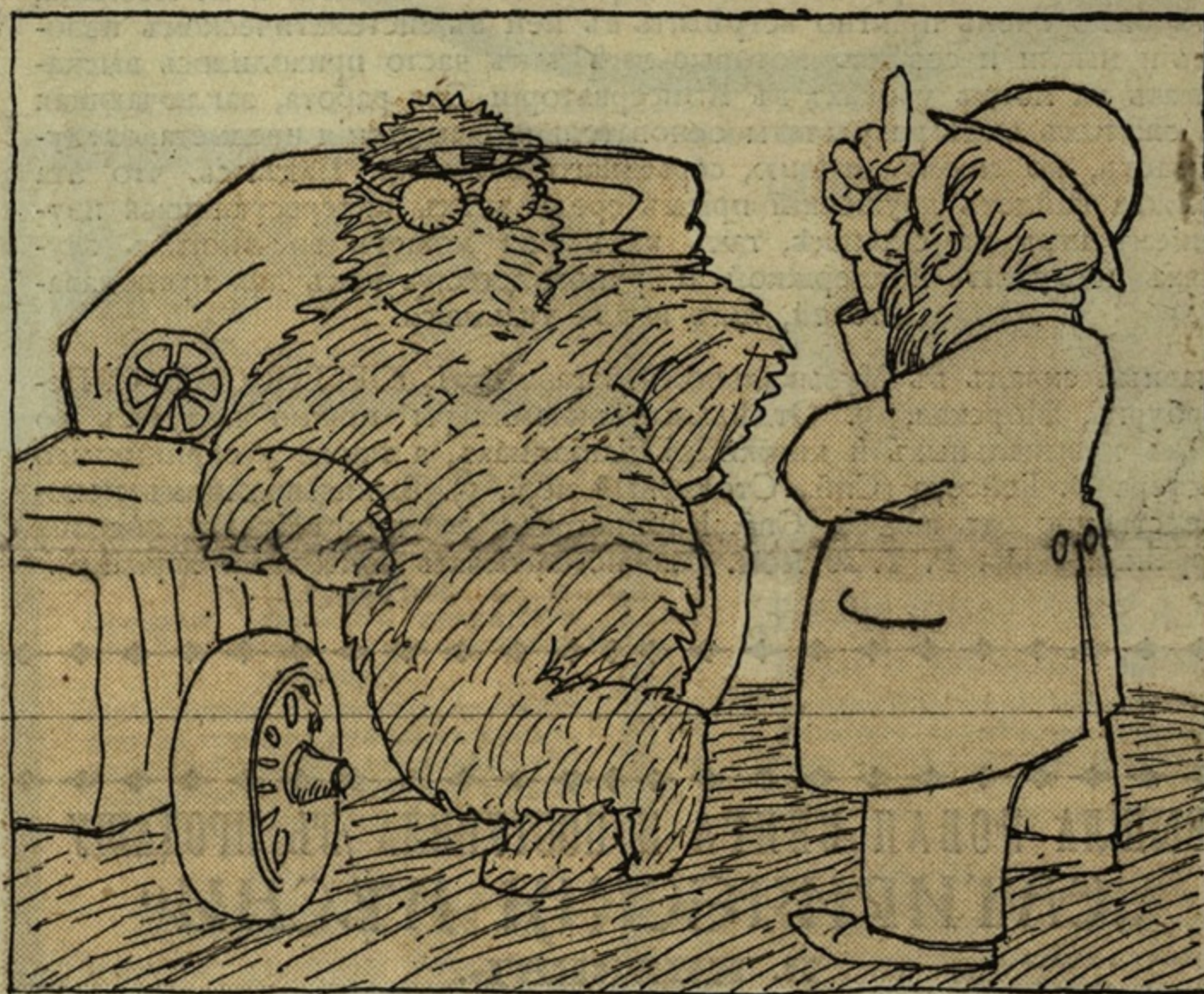
1905 годъ.
Интеллигентъ.—О, друзья мои! Вы дѣлаете большое и нужное дѣло...

1906 годъ.
Онъ-же.—О, избранники народа! Вы открываете собой новую эру!.. Вы дѣлаете большое и нужное дѣло!

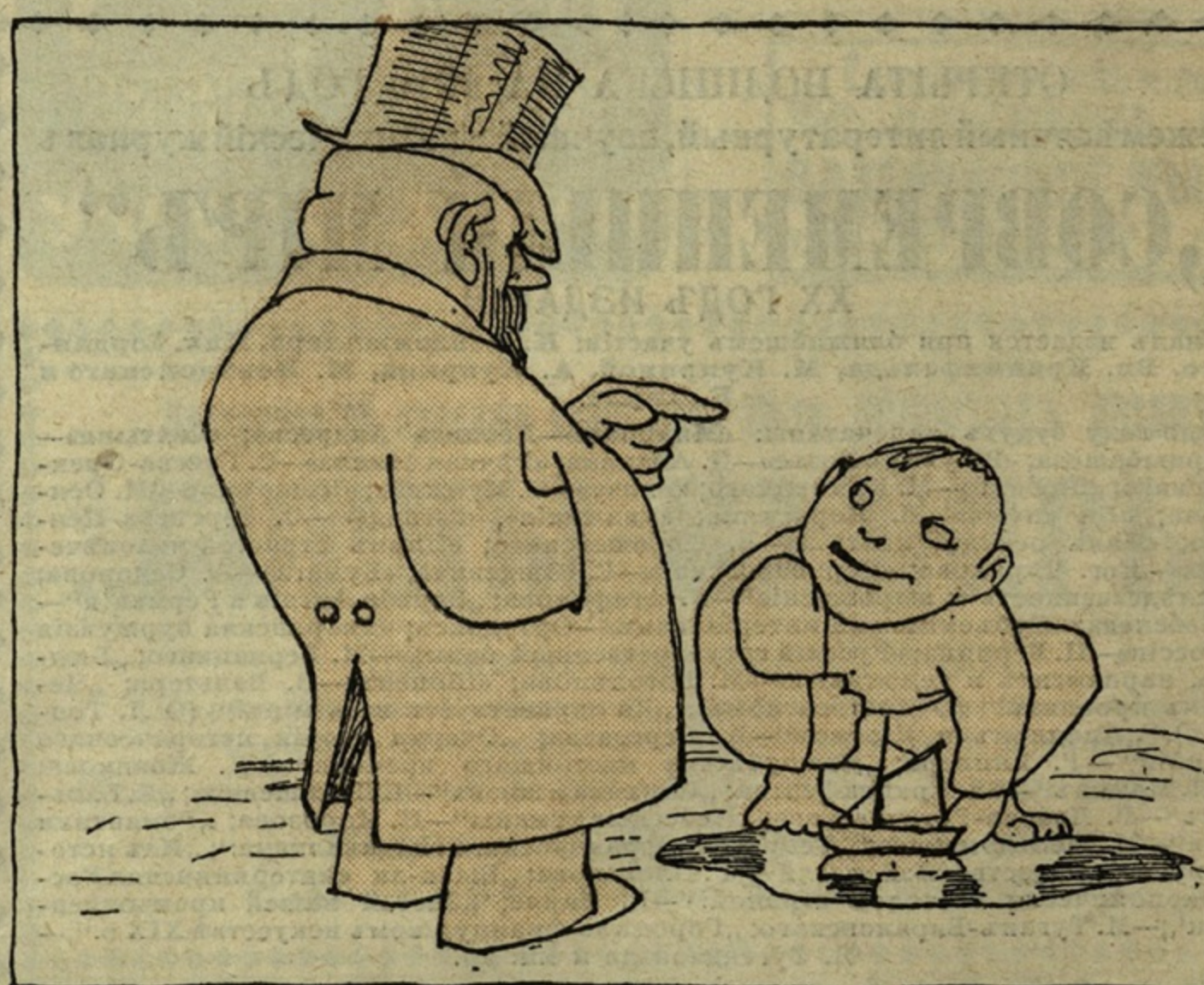
1907 годъ.
Онъ-же.—Да! Прачешная при Юрьевскомъ университетѣ, дѣйствительно, нужна!.. Вы дѣлаете большое и нужное дѣло...

1908 годъ.
Онъ-же.—Автомобильная гонка? Завоеваніе техники и прогресса... Вы дѣлаете большое и нужное дѣло!

1909 годъ.
Онъ-же.—О, повѣрьте, господинъ Кованько!.. Вы дѣлаете большое и нужное дѣло!

1910 годъ.
Онъ-же.—Мореплаваніе... О, вы, молодой человекъ, дѣлаете большое и нужное дѣло...